

JUVENALIS. МАГИСТЕРСКИЕ И АСПИРАНТСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

ВОПРОС О МЕСТЕ ПРОПОВЕДИ В БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ В КОНТЕКСТЕ ВЗГЛЯДОВ АРХИЕРЕЕВ И ПРЕДСТОЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Диакон Иоанн Тарасов

магистрант Санкт-Петербургской духовной академии
помощник проректора по научной и методической работе
Воронежской духовной семинарии
394033, Воронежская область, Воронеж, Ленинский проспект, 91.
ivananatolievih@yandex.ru

Для цитирования: *Тарасов И. А., диак.* Вопрос о месте проповеди в Божественной литургии в контексте взглядов архиереев и предстоятелей Русской Православной Церкви // *Праксис*. 2024. № 1 (14). С. 107–116. DOI: 10.31802/PRAxis.2024.14.1.006

Аннотация

УДК 252

В статье рассматривается вопрос о месте литургийной проповеди в контексте взглядов архиереев и предстоятелей Русской Православной Церкви. Анализируя письменное наследие и практику архиерейского служения избранных архипастырей Синодального и Новейшего периода, автор приходит к выводу, что для предстоятелей и иерархов Русской Православной Церкви значительно больший интерес представляло содержание проповеди, методика ее подготовки, отношение проповедника к проповеди как важнейшему элементу богослужения. Место же проповеди в богослужебном последовании является вариативным и зависит, как правило, от сложившейся литургической традиции или содержания проповеди.

Ключевые слова: Божественная литургия, проповедь, проповедь в Синодальный период, святитель Филарет Московский, святитель Иннокентий Херсонский, проповедь в Новейший период, Святейший Патриарх Алексий II, митрополит Суражский Антоний (Блюм).

The Question of the Place of the Sermon in the Divine Liturgy in the Context of the Views of Hierarchs and Primate of the Russian Orthodox Church

Deacon John Tarasov

MA student at the St. Petersburg Theological Academy
Assistant to the vice-rector for scientific and methodological work
of the Voronezh Theological Seminary
91 Leninsky Prospekt, Voronezh region, Voronezh 394033, Russia
ivananatolievih@yandex.ru

For citation: Tarasov John, deacon. "The Question of the Place of the Sermon in the Divine Liturgy in the Context of the Views of Hierarchs and Primate of the Russian Orthodox Church". *Praxis*, № 1 (14), 2024, pp. 107–116 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAxis.2024.14.1.006

Abstract. The article examines the issue of the place of liturgical preaching in the context of the views of the bishops and primates of the Russian Orthodox Church. Analyzing the written heritage and practice of the episcopal ministry of the elected archpastors of the Synodal and Modern periods, the author comes to the conclusion that the primates and hierarchs of the Russian Orthodox Church were much more interested in the content of the sermon, the methodology of its preparation, the preacher's attitude to preaching as an important element of worship. The place of the sermon in the liturgical sequence is variable and depends, as a rule, on the established liturgical tradition or the content of the sermon.

Keywords: Divine Liturgy, sermon, sermon in the Synodal period, St. Filaret of Moscow, St. Innocent of Kherson, sermon in the Modern period, His Holiness Patriarch Alexy II, Metropolitan Anthony of Sourozh (Blum).

Одним из наиболее любопытных тем для обсуждения в контексте сразу нескольких церковных дисциплин — литургии, гомилетики, пастырского богословия — является проблема выбора места проповеди за Божественной литургией. В современной богослужебной практике Русской Православной Церкви одновременно существуют сразу несколько традиций произнесения проповеди: после чтения Евангелия, по запричастном стихе, после отпуста Божественной литургии, а также произнесение сразу нескольких проповедей.

Остроту полемике придают выступления отдельных авторов, которые отстаивают тезис о необходимости исключительного расположения проповеди по Евангелию как единственной традиционной литургической практики Церкви, нередко выбирая достаточно резкую форму аргументации. Так, в анонимной статье «О месте проповеди в христианском богослужении» приводится пространная цитата В. Алымова: «Перед нами описание синагогальной словесной службы. Точно так же это происходит и сейчас, на 1-й части нашей Литургии (Литургии оглашенных): сначала поются антифонно псалмы, после этого следует чтение Св. Писания. Затем в Древней Церкви следовала проповедь, и так осталось у католиков и протестантов. А у православных из-за отсутствия проповедников проповедь постепенно исчезла и лишь в XVIII веке была пристёгнута куда-то в конец»¹.

Желая избежать излишней категоричности в рассуждении о месте проповеди за Божественной литургией, нам видится наиболее справедливым обращение к опыту благовествования, отраженному наиболее замечательными проповедниками из числа архипастырей Русской Православной Церкви как Синодального, так и Новейшего периода, чтобы по слову священномученика Игнатия Богоносца «Да не будет между вами ничего, что могло бы разделить вас; но будьте в единении с епископом и перед сидящими, во образ и учение нетления»².

При кратком историческом генезисе вопроса несомненно, что в Апостольский век проповедь действительно следовала за чтением Священного Писания, о чем свидетельствует, в частности, М. Скабалланович: «О чтении новозаветных писаний за богослужением могут говорить: требование ап. Павла в Послании к Солунянам прочитать это послание

1 Цит. по: *Адаменко Н.* О месте проповеди в христианском богослужении // Преображенское братство. URL: <https://psmb.ru/a/node-57c74f35d6070.html>.

2 *Игнатий Богоносец, сщмч.* Послание к Магнезийцам // Ранние Отцы Церкви: Антология. Брюссель, 1988. С. 114.

«всем святым братьям», что удобнее всего можно было сделать на богослужебном собрании, — требование колоссиянам обменяться посланиями с Лаодикийской Церковью»³.

В эпоху Вселенских Соборов проповедь также обычно следовала за Священным Писанием, поскольку приоритетной целью проповеди являлось разъяснение недоуменных мест Евангелия либо обоснование догмата; практика эротологических и агиографических проповедей являлась относительно редкой, тем более что сущность церковного праздника раскрывалась именно в догматическом ключе.

При этом последующая смена историко-церковного контекста закономерно породила новую традицию проповедей, ориентированных преимущественно на нравственную составляющую, что сформировало устойчивый спрос на агиографические сочинения, в том числе патерики и аскетические сборники. Закономерно, что в новых условиях востребованными оказались проповеди по запричастном стихе и по отпусте, поскольку поучения, приуроченные ко дню памяти святых, были менее уместны по Евангельскому чтению. Учитывая то, что древнерусская книжность ориентировалась на наиболее распространенные в славянских переводах византийские сборники нравоучительного и агиографического толка, вполне логично, что вплоть до XVI столетия Русская Церковь ориентировалась не на экзегезу, а на поучение или беседу, что и определило место проповеди в конце богослужения⁴.

На следующем этапе развития проповедничества, который определяется видным дореволюционным исследователем протоиереем М. Поторжинским как период латино-польского влияния, проповедь в Русской Православной Церкви сохранила свое место в конце богослужения ввиду того, что приобрела преимущественно апологетический и риторический характер⁵.

В Синодальный период место проповеди за богослужением также определялась целью проповеди. В том случае, если поучение было катехизическим, оно могло и предшествовать Божественной литургии, тем самым предвосхищая происходящее за богослужением. В частности,

3 Скабалланович М. Н. Толковый Типикон: Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. М., 2008. С. 27–28.

4 Поторжинский М., прот. История русской церковной проповеди в биографиях и образцах пастырей-проповедников с 1/2 IX–XIX вв. Киев, 1901. С. 94.

5 Посохова Л. Ю. Искусство проповедничества: учебные практики в Киево-Могилянской академии и православных коллегиях во второй половине XVIII века // Диалог со временем. 2020. № 73. С. 141.

такую практику мы можем встретить в архипастырском служении святителя Тихона Задонского на Воронежской кафедре. Прибыв в Воронеж в 1765 году, святитель учредил еженедельные катехизические поучения в соборе, которые проходили непосредственно перед воскресной Божественной литургией. При этом краткие поучения, составленные святителем Тихоном Задонским для приходского духовенства, читались на приходах и по запричастном стихе, и по отпусте Божественной литургии.

Аналогичную практику мы обнаруживаем и у современника святителя Тихона, митрополита Московского Платона (Левшина), который поощрял катехизические поучения как особую форму проповеди и допускал два преимущественных места для их произнесения: либо перед Божественной литургией, либо по заамвонной молитве⁶.

В XIX веке повсеместно закрепилось произнесение проповеди по отпусте Божественной литургии, о чем косвенно свидетельствует, в частности, А. И. Свирелин: «Некоторые дожидаются проповеди как времени, назначенного для выхода из церкви; другие смотрят на проповедь как на вещь, вовсе к ним не относящуюся, и позволяют себе во время её рассуждать о чём им угодно; третьи слушают проповедь, но слушают без внутреннего признания и сердечного усвоения возвещаемых религиозно-нравственных истин»⁷.

Отчасти место проповеди, равно как и бестактное отношение к проповеднику, описанное А. И. Свирелиным, были обусловлены компилятивным характером проповеди и отсутствием живого отношения проповедника к содержанию излагаемого текста. Приведем пример отчета благочинного одного из округов Челябинского уезда Оренбургской епархии: «В каждый воскресный и праздничный день были предлагаемы священниками поучения народу или из книг общеизвестных, например, прот. Путятин, Цветкова, Романова, Нордова, или по сборникам свящ. Смирнова, Маврицкого, Дьяченко, Шумова, Поспелова, Лебедева, Лозинского, Лядского, Боброва, Бондакова и Соколова или по книжкам ежемесячных приложений к духовным журналам «Пастырский Собеседник», «Руководство для сельских пастырей», «Воскресный день»⁸.

Для архиерейских же богослужений установилась традиционная практика двух проповедей — по запричастном стихе (произносилась

6 Поторжинский М., прот. История русской церковной проповеди. Указ. соч. С. 221.

7 Свирелин А. И. О церковной проповеди // Дух христианина. 1861. Кн. 4. С. 306.

8 Цит. по: Никифорова О. Живая проповедь // портал «Приходы». URL: <https://prichod.ru/on-the-pages-of-the-history/34443/>.

одним из сослужащих клириков) и по отпусе Божественной литургии (архиерейское слово). При этом вопрос о необходимости помещения проповеди сразу по чтении Евангелия в данный период не поднимался; первостепенное же внимание уделялось методической стороне подготовки проповеди — так, святитель Филарет (Дроздов) был сторонником заблаговременного написания слов и поучений, а святитель Иннокентий Херсонский и епископ Амвросий (Ключарев) практиковали преимущественно импровизированные проповеди⁹.

Некоторое оживление в вопросе о месте произнесения проповеди за Божественной литургией возникло в начале XX века на фоне отзывов Преосвященных Архиепископов по вопросу церковной реформы. Предложение читать Евангелие лицом к народу, поступившее со стороны ряда архиереев, в частности, архиепископа Нижегородского Назария (Кириллова) и архиепископа Виленского Никандра (Молчанова), повлекло за собой и вопрос о немедленной проповеди по чтении Евангелия¹⁰.

Примечателен и пример священномученика Кирилла (Смирнова), митрополита Казанского. Во время служения в Тамбовской епархии Преосвященный регулярно совершал архиерейские обозрения — продолжительные инспекционные поездки, в ходе которых проверялись в полном составе приходы одного или нескольких благочиннических округов каждого уезда. Как правило, священномученик Кирилл (Смирнов) посещал по 3–4 прихода в день, причем в каждом храме он произносил архиерейское слово, посвященное актуальной проблеме, обнаруженной на приходе.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами закономерно, что в ряде случаев Преосвященный проповедовал перед Божественной литургией, а в некоторых случаях произносил и 2 проповеди: при торжественной встрече (как ответ на приветственную речь настоятеля или благочинного) и по отпусе Божественной литургии. При этом сохранялась и проповедь сослужащего клирика по запричастном стихе.

Произнесение сразу нескольких проповедей было характерно и для священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского: первая проповедь произносилась по отпусе Божественной литургии, а вторая — по завершении чинопоследования, примыкающего к ней — молебна, акафиста или крестного хода. Данная практика сложилась еще

9 *Кашеваров А. Н.* Церковная проповедь в XVIII – первой половине XIX века: особенности эволюции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 16.

10 Цит. по: *Балашов Н., прот.* На пути к литургическому возрождению. СПб., 2001. С. 343.

до архиерейского служения святого, когда он в сане иеромонаха нес послушание инспектора Новгородской духовной семинарии¹¹.

В советский период вопрос о месте литургийной проповеди по объективным причинам не рассматривался. Если в довоенный период в условиях противодействия обновленческому расколу в храмах Московской Патриархии могли произноситься и несколько проповедей за одно богослужение (вне зависимости от того, каким чином оно совершалось), то уже во второй половине 1950-х годов на фоне новой волны давления на Церковь проповедь на приходах практически исчезает и остается атрибутом архиерейского богослужения, при этом сохраняется устойчивое место по отпусте.

В контексте вышесказанного любопытно выглядит пример воззрений архиерея, служащего за границей: митрополит Суражский Антоний (Блюм), как правило, произносил проповедь перед отпуском. По свидетельству диакона Л. Джалилова, «Из наставлений Владыки можно понять, что он воспринимал чтение Евангелия и проповедь как единое действие, пусть и разнесённое во времени. Вместе с тем, заканчивала службу не проповедь, а молитва, отпуст»¹².

В наследии Святейшего Патриарха Алексия II тема проповеди является одной из наиболее частых, однако в подавляющем большинстве случаев Патриарх рассматривал не время совершения проповеди, сколько ее форму и содержание, уделяя внимание языку проповеди, ее тематике и личному отношению проповедника к предмету проповеди. Это обстоятельство закономерно объясняется тем, что в условиях первосвятительского служения Святейшего Патриарха Алексия II проповедь как неотъемлемый элемент Божественной литургии только начала восстанавливаться, поэтому первостепенное значение играло не столько место проповеди в ходе богослужения, сколько ее миссионерское значение.

В докладе на Епархиальном собрании г. Москвы в 1995 году Святейший Патриарх Алексий II замечает следующее: «Оставляет желать лучшего и проповедь в храме. К ней часто относятся по-казенному, как к дополнению, приложению к Литургии или — еще хуже — как к заполнению времени между причащением духовенства и мирян, чтобы

11 *Еликониды (Кушлик), мон. Я всех люблю и о всех скорблю: житие священномученика Петра (Зверева) Архиепископа Воронежского, 1876–1929. М., 2013. С. 88.*

12 *Джалилов Л., диак. Проповедь в контексте богослужения. особенности подхода митрополита Антония // Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Суражского». URL: <https://antsur.ru/propoved-v-kontekste-bogosluzheniya-osobennosti-podhoda-mitropolita-antoniya/>.*

в этот промежуток прихожане не «скачали»¹³. При поверхностном рассмотрении данного фрагмента кажется, что Патриарх подвергает критике саму возможность проповеди по запричастном стихе, однако отсутствие каких-либо непосредственных запрещений проповедовать в указанный момент Божественной литургии отсутствует как в данном докладе на Епархиальном собрании г. Москвы, так и в иных выступлениях и нормативных документах эпохи Святейшего Патриарха Алексия II.

Несомненно, что в фокус критики попадает не избранное место проповеди, но некорректное отношение к проповеди как к малозначительному литургическому элементу, выполняющему сугубо утилитарную функцию, что следует из дальнейших слов Первосвященителя: «Живого, сердечного слова порой не слышно. <...> Перед нами живой человек сегодняшнего дня, с его заботами, тревогами, и надо ему, конкретному человеку, помочь. Не впадая в политические дискуссии и мирское суесловие, современная живая проповедь должна давать с религиозных, евангельских позиций ответы на вопросы сегодняшнего дня»¹⁴.

Митрополит Иларион (Алфеев) в монографии «Главное Таинство Церкви» усматривает в качестве причины произнесения проповеди по запричастном стихе практические соображения: «из-за того, например, что часть верующих приходит в храм не к началу богослужения, а уже после чтения Евангелия, — проповедь чаще всего переносится в самый конец службы»¹⁵. Тем не менее, вне зависимости от своего местонахождения проповедь «не должна восприниматься ни как вставка в богослужение, ни как добавка к нему»¹⁶.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своем обширном наследии также акцентирует внимание на методической стороне подготовки к проповеди, отмечает важность тщательной подготовки к ее произнесению, советует проповеднику расширять кругозор и избегать излишнего ригоризма в отношении слушателей. Примечательно, что Патриарх произносит проповеди как после чтения Евангелия, так и по отпусте Божественной литургии, исходя из смыслового содержания проповеди.

13 *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси.* Выступление на Епархиальном собрании Москвы, 21 декабря 1995 года // Патриарх Алексий II и народ. URL: <http://patriarhi-narod.ru/slovo-patriarha/doklady-na-eparkhialnyh-sobraniyah-patriarha-alexiya-ii/149-vystuplenie-na-eparkhialnom-sobranii-1995-g>.

14 Там же.

15 *Иларион (Алфеев), митр.* Главное таинство Церкви. М., 2011. С. 27.

16 Там же.

Подводя итог вышесказанному, мы можем заметить, что вопрос о месте произнесения литургийной проповеди в литературном наследии и богослужебной практики предстоятелей и архиереев Русской Православной Церкви не является приоритетным. Допуская разнообразие вариантов в выборе места для произнесения проповеди, Пресвященные Архипастыри как в Синодальный, так и в Новейший период церковной истории неизменно утверждают важнейшее значение проповеди в деле духовного просвещения, нравственного возрастания паствы и ответа на злободневные вопросы современности, уделяют внимание методическим основам проповеди. Поэтому разнообразие в выборе места литургийной проповеди предоставляет благовестнику обширное поле возможностей для раскрытия темы, что существенно обогащает богослужебную традицию.

Источники

- Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси.* Выступление на Епархиальном собрании Москвы, 21 декабря 1995 года // Патриарх Алексий II и народ. [Электронный ресурс]. URL: <http://patriarh-i-narod.ru/slovo-patriarha/doklady-na-eparkhialnyh-sobraniyah-patriarha-alexiya-ii/149-vystuplenie-na-eparkhialnom-sobranii-1995-g> (дата обращения: 12.04.2024).
- Игнатий Богоносец, сщмч.* Послание к Магнезийцам // Ранние Отцы Церкви: Антология. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. С. 111–116.

Литература

- Адаменко Н.* О месте проповеди в христианском богослужении // Преображенское братство. [Электронный ресурс]. URL: <https://psmb.ru/a/node-57c74f35d6070.html> (дата обращения: 11.04.2024).
- Балашов Н., прот.* На пути к литургическому возрождению. СПб: Культурно-просветительский центр «Духовная Библиотека», 2001.
- Джалилов Л., диак.* Проповедь в контексте богослужения. особенности подхода митрополита Антония // Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского». [Электронный ресурс]. URL: <https://antsur.ru/propoved-v-kontekste-bogosluzheniya-osobennosti-podhoda-mitropolita-antoniya/> (дата обращения: 25.04.2024).
- Еликонида (Кушлик), мон.* Я всех люблю и о всех скорблю: житие священномученика Петра (Зверева) Архиепископа Воронежского, 1876–1929. М.: Индрик, 2013.
- Иларион (Алфеев), митр.* Главное таинство Церкви. М.: Эксмо, 2011.
- Кашеваров А. Н.* Церковная проповедь в XVIII — первой половине XIX века: особенности эволюции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 7–17.

Никифорова О. Живая проповедь // портал «Приходы». [Электронный ресурс]. URL: <https://prichod.ru/on-the-pages-of-the-history/34443/> (дата обращения: 16.04.2024).

Посохова Л. Ю. Искусство проповедничества: учебные практики в Киево-Могилянской академии и православных коллегиях во второй половине XVIII века // Диалог со временем. 2020. № 73. С. 140–154.

Поторжинский М., прот. История русской церковной проповеди в биографиях и образцах пастырей-проповедников с 1/2 IX–XIX вв. Киев: Тип. Р. К. Лубковского, 1901.

Свирелин А. И. О церковной проповеди // Дух христианина. 1861. Кн. 4. С. 290–311.

Скабалланович М. Н. Толковый Типикон: Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2008.